

ДИНАМИКА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ АСТРАХАНСКОГО РЕГИОНА: ОТ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ФОРМЫ К ТРАНСКУЛЬТУРНОЙ¹

Е. В. Хлыщева

Хлыщева Елена Владиславовна, Астраханский государственный университет, ул. Татищева, 20а, г. Астрахань, 414056, Россия. Эл. почта: culture_mar@mail.ru
ORCID 0000-0001-6586-019X

Аннотация. В статье рассматривается процесс трансформации идентичностей в современном мире на примере конкретного поликультурного региона. Проблема межкультурной коммуникации в подобных районах стоит очень остро, появляются альтернативные общепринятым нормам стили жизни, открыто позиционирует себя инаковость, а групповые различия становятся своеобразным маркером современного пространства. Однако под влиянием социальных трансформаций и межкультурных взаимодействий фиксируется изменение социокультурной идентичности в направлении многоуровневости. Глобализационные и миграционные процессы ведут к появлению «размытой идентичности» с фрагментированным представлением о своей этнической принадлежности. Поэтому анализ культурного взаимодействия народов связан с первичным осмыслением этнокультурных различий. Цель статьи — изучение уровней и форм взаимодействия разных народов и выявление изменений, происходящих в процессе трансформации традиционной картины мира отдельных культур, ведущих к формированию новых уровней идентичности. Особое внимание уделяется постепенному изменению соотношения региональных, национальных и общегражданских ценностей и соответствующей самоидентификации на всех уровнях. При этом учитывается, что уровни идентичности, связанные с национальной, этнической, конфессиональной сферами, не проявляются в чистом виде и корректируются иными формами — цивилизационной, субкультурной, расовой, гендерной, сексуальной. Наиболее показателен процесс формирования разноуровневой идентичности в гетеротопных территориях, поэтому для анализа был выбран Астраханский регион, отличающийся поликультурным составом населения. Предлагаемые теоретические конструкты выработки адекватных механизмов сосуществования культур требуют тщательного анализа, который невозможен без выявления индикаторов этнического, конфессионального и регионального уровней самосознания. Кросскультурные исследования перемен, происходящих в обществе, выводят на инновационное понимание идентичности, что определяет необходимость выявления и обоснования новых принципов построения идентичности, основанных как на истории, религии, ментальности, так и на общем гражданстве. Процесс формирования подобной транскультурной идентичности хорошо демонстрирует Астраханский регион.

Ключевые слова: идентичность, глобализация, этноконфессиональность, межкультурная коммуникация, трансформация, транскультурность.

Введение

Центростремительные и центробежные тенденции современного мира обуславливают сложный синтез глобальных и локальных тенденций культурной динамики. Как это ни парадоксально, но именно глобализационные процессы вызвали к жизни «не только стирание различий, но и их усиление» (Малахов, 2014). Такой своеобразный «праздник различий» (Хлыщева, 2011) обостряет и без того

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта 18-78-10064 «Трансформация механизмов формирования посттрансгрессионной модели религиозной идентичности в современном информационном пространстве».

нелегкую проблему идентичности, которая является ключевой в современном мире, становясь мощным фактором мобилизации населения. Объясняется это необходимостью для человека, группы, социальной общности упорядочить свою жизнедеятельность через принятие норм и образцов поведения в соответствии с культурными характеристиками, принятыми в конкретном обществе (группе).

В глобализируемом пространстве наблюдается пересечение множества идентичностей, которые ярко проявляются в процессе межкультурной коммуникации. Процесс глобализации ведет к расширению «религиозных и цивилизационных идентичностей, которые приобретают все большую значимость для индивидов и народов в целом» (Хантингтон, 2004).

Идентичность — трансформирующаяся структура, что подтверждается историческим опытом, когда живущие на одной территории разные этнокультурные группы со временем создают особый культурный тип, как правило, отличающийся толерантностью к иноэтническим компонентам. К этому ведет длительное проживание разных этносов в близком соседстве и одинаковых природных условиях, сходные пути исторического развития и общая хозяйственная деятельность. В результате такого взаимодействия оформляются и функционируют граничные культурные ландшафты, происходит объективация и репрезентация культурно-ландшафтных структур, которые в условиях границы отличаются многослойностью и динамичностью.

Однако «запрос на различие» (Малахов, 2014) в 1990-е гг. привел к этническому ренессансу, «второму рождению культурных меньшинств» (Малахов, 2014), которые заявляют о себе, открыто и даже в определенной степени навязчиво помещая в публичное поле практически вытесненные первыми поколениями иммигрантов элементы своей традиционной культуры.

На этой ступени четко прослеживается трансформация идентификационных форм с государственного уровня на этноконфессиональный. «Чужое» начинает себя открыто позиционировать, уже не стремясь стать «своим иным», и переходит к методам противостояния практикам ассимиляции. В границах подобной «многокультурности» значимыми становятся разделение зон экономического влияния, система культурных связей, основанных на принципах восприятия «чужого» как «другого», и взаимопроникновение культур от семантического до институционального уровня» (Романова, 2010). Появляются изолированные территории, жители которых, замкнутые на себе посредством своего языка и культурных символов, постепенно начинают утрачивать способность выхода на общекommunikационный уровень, что создает пригодную почву для межэтнических и межконфессиональных столкновений.

Зоны пересечения культур — наиболее уязвимые точки стабильности гетерогенного общества, особенно приграничного. Здесь острее стоят проблемы коммуникации во всех сферах, а отношение к «чужому» и основные характеристики его имиджа являются «важными показателями уровня социальной организации и состояния любого общества» (Torchiev, Romanova, Yakushenkov, 2016). Необходимость сосуществования в едином культурном поле различных традиций и менталитетов выводит на значимость кросс-культурного анализа индикаторов этнического, конфессионального и регионального уровней самосознания, а также процесса самоидентификации, что в современных условиях становится острой проблемой.

Понимание идентичности как явления «культурно и исторически опосредованного, изменчивого, получающего специфическое содержательное наполнение в конкретном культурном, социальном, политическом, цивилизационном контексте» (Костина, 2009), т.е. обладающего конкретной привязкой к определенной культурной системе, приводит к пониманию ситуативного характера формирования ее форм: они могут проявляться «и как взаимодополняющие, и как конфликтные, противоречивые, а подчас антагонистические» (Костина, 2009). При этом уровни идентичности, связанные с национальной, этнической, конфессиональной сферами, не проявляются в чистом виде и корректируются иными формами — цивилизационной, субкультурной, расовой, гендерной, сексуальной.

Существующие модели идентичности дестабилизируются под влиянием иммиграционных процессов, ослабляя традиционные связи и нарушая сложившиеся структуры. Идентичность размывается, теряет четкие границы и становится гетеротопной, выходя через традиционные формы в инновационное коммуникативное пространство. Востребованным становится опыт управления многоэтничностью в рамках одного государства, одной республики и даже области. Именно эти проблемы выходят сегодня на первый план, требуют осмысления соотношения региональных, национальных и общегражданских ценностей, проблемы идентификации на всех уровнях, анализ индикаторов регионального самосознания.

Маркером современной культуры становится трансгрессия, вызванная переплетением глобального и локального, когда исторически сложившиеся культурные ареалы перекраиваются по-новому, «запуская новые, выходящие за пределы привычного опыта, а потому непредсказуемые процессы, которые трудно поддаются контролю по причине своей полной неизученности» (Topchiev, Dryagalov, Yakushenkova, 2016).

Население гетеротопного региона (особенно пограничной гетеротопии) вынуждено приспосабливаться к новым условиям и «совершать акт трансгрессии» (Topchiev, Dryagalov, Yakushenkova. Religious transgression, 2016), т.е. выходить за пределы традиционного поведения. А это в свою очередь запускает процессы изменения традиционной картины мира и зачастую приводит к появлению новых форм идентичности, слому стереотипов и выходу на новый уровень межкультурного диалога. В какой-то степени нарушение старого соответствует «инстинкту выживания индивида» (Topchiev, Dryagalov, Yakushenkova. Religious transgression, 2016), а акты трансгрессии представляют собой определенную форму реакции на встречу с «чужим», позволяющей человеку адаптироваться к новым социокультурным условиям.

Все это определяет необходимость выявления новых принципов построения идентичности, основанных «в равной степени как на истории, религии, ментальности» (Костина, 2009), так и на общем гражданстве. В процессе трансгрессии «чуждость», как правило, преодолевается, но для этого реальность должна быть либо «узнана» с учётом современных корректив, либо перетолкована заново, создавая новые контуры обжитого пространства. Иммигранты, «исторические» национальные меньшинства, культурные меньшинства ждут признания своих культур, идентичности, особого образа жизни составной частью культуры определенного общества, что приводит к взаимодействию многоуровневых идентичностей в едином пространстве поликультурных пограничных регионов.

Состояние межэтнических отношений во многом зависит от динамики трансформации идентичности различных социальных, территориальных и этнических

групп. При этом под трансформацией понимается процесс качественного изменения идентичности под влиянием различных факторов, как внутренних, так и внешних. Сегодня можно говорить не просто о трансформации идентичности, но и о направленном конструировании идентификационных структур, особенно в обществах, подвергающихся иммиграционному нажиму.

Для анализа динамики процесса трансформации идентичности при вхождении в новую этнокультурную среду был взят поликультурный Астраханский регион, представляющий собой разновидность геокультурного пространства со специфическим типом культурогенеза, определившим формирование взаимопроникающих геополей: этнокультурного, природно-хозяйственного, конфессионального, лингвистического, политического, психологического и др.

Методология исследований связана с аналитическим подходом, позволяющим рассматривать социум как объект управления на различных уровнях. Проблемы этноконфессионального диалога, культурной политики, анализ динамики социокультурных связей народов, населяющих конкретный регион, выходят на первый план, акцентируя новые тенденции во взаимоотношениях между культурными субъектами как внутри региона, так и между отдельным регионом и центром. Это требует структурно-функционального подхода в исследовании, который позволяет изучить уровень и формы взаимодействия разных народов и выявить изменения, происходящие в процессе трансформации традиционной картины мира отдельных культур, ведущих к формированию новых уровней идентичности.

И если вопросы социального и экономического развития регионов анализировались и раньше, то исследование формирования региональной культуры и региональной социокультурной идентичности стало относительно новым направлением исследований постсоветской России, имеющим практическую значимость. Для анализа многоуровневой идентичности используется комплексная система методов, в основе которой лежит диахронный метод, применяемый для выявления основных этапов формирования этноконфессиональных идентичностей и синхронный метод, позволяющий проанализировать динамику трансформации современных идентичностей в Нижнем Поволжье.

Для выявления конкретных тенденций изменения уровней и форм идентичности в конкретном регионе был использован метод социологического опроса.

Формирование региональной идентичности как результат поликультурных процессов

У каждого народа в процессе развития складывается разноуровневая идентичность (родовая, этническая, конфессиональная и т.д.), но когда эти народы встречаются на одной территории и обустраивают совместную жизнь, речь идет уже не просто о развитии, но о конструировании новой идентичности, что подразумевает качественное изменение идентификационных структур на основе формирования новой, разделяемой всеми, картины мира. Процесс трансформации социокультурной идентичности сложен и происходит достаточно медленно. Для понимания механизмов данного процесса необходим анализ этноконфессионального взаимодействия народов как со стороны осмысления этнокультурных различий, так и со стороны формирования общих ценностей.

Для исследования был взят поликультурный регион Нижнего Поволжья, где процессы заселения и взаимодействия народов проходили достаточно своеобразно,

учитывая тот факт, что здесь отсутствовало аборигенное население. Каждый народ осваивал «свою нишу», а пересечение происходило в основном в хозяйственной жизни.

Царское правительство проводило ассимиляционную политику в отношении населения окраин. Географическое расположение и природные особенности Астраханского края привлекали торговых и промышленных людей, прибывавших сюда на рыбный лов в устьях Волги и на разработку соли. Оседали иноземцы (немцы, шведы, поляки), которые, будучи захвачены в плен ногаями или казаками, искали «удобного случая спастись от рабства под защиту русской власти» (Указ камер-коллегии... ГААО). Многих привлекала отдаленность Астраханского края от центра и свобода от произвола приказных в коренной Руси. Большой наплыв торговцев объяснялся еще и тем, что Астрахань была единственным русским городом, где восточные купцы платили минимальные пошлины. Бухарские, хивинские, персидские, индийские купцы останавливались в Астрахани в караван-сараях, представляющих «отдельные мирки со своими культурными традициями» (Небольсин, 1852).

Русское население сосредоточивалось в городах и их ближайших окрестностях. Степные пространства края были населены кочевыми племенами ногайцев, калмыков, казахов, урегулирование отношений между которыми входило в обязанности астраханского воеводы, а с 1717 г. губернатора. Противоречия кочевых племен обусловили незатухающую борьбу за земли, этническое равновесие часто нарушалось. Русскому правительству постоянно приходилось вмешиваться в конфликты кочевых народов и мирить их. Мероприятия же властей по переводу к оседлому образу жизни не вызывали у кочевников, особенно калмыков, никакого сочувствия.

Пестрота населения и определенная вольность нравов, представляющая сплав нравов Востока и России, заставляли управлять окраиной в определенной степени самостоятельно: надеяться на скорую помощь Москвы в случае восстания иноверцев не приходилось. Поэтому задача местных властей заключалась не столько в военном противостоянии кочевникам, сколько в дипломатической деятельности — мирном урегулировании конфликтных ситуаций, привлечении кочевников «под руку Белого царя» (Наказ., 1947), налаживании торговых отношений со Степью. Иными словами, создавались условия для мирного сосуществования и культурного обмена.

В то же время, сохраняя общий дух царских наказов, астраханские воеводы поддерживали этнокультурные традиции приходящих народов, но проявляли при этом крайнюю осторожность, так как «один неверный шаг мог привести к неудаче, которая за собой принесет царскую опалу» (Астраханская воеводская канцелярия, ГААО). Тесные культурные контакты власти не поощряли. Так, если и разрешались межнациональные браки, то это касалось только меньшинств (армян, грузин, татар, калмыков), но «браки с православными были редкостью и допускались только с соблюдением многих формальностей» (Саввинский, 1900).

Процесс заселения края, начавшийся в глубокой древности сарматскими и савроматскими племенами, с тех пор не останавливался. Все новые и новые народы приходили, приезжали в низовье реки Волги, следовали дальше или оставались здесь навсегда. При Екатерине II для заселения окраин России (в том числе и Астраханских земель) приглашались иностранцы, среди которых особое благоволение получили немцы. Им были даны свобода вероисповедания, свободный выбор места поселения, самоуправление, освобождение от податей, налогов и всякого рода повинностей (Указы императрицы Екатерины II, 1775). Поэтому на местах своего

нового проживания многие немцы сохранили немецкий язык, веру (как правило, лютеранскую) и элементы национального менталитета.

Большое значение для края имела миграция киргиз-кайсаков, прибывших в Нижнее Поволжье по договоренности с русским правительством в начале XIX в. и представляющих сегодня вторую по численности этногруппу Астраханского региона. Помимо государственной политики ассимиляции кочевого населения в русскую культуру ассимиляционные процессы шли внутри самих народов: калмыки распространили свое культурное влияние на попадавших в плен во время вооруженных конфликтов киргизов, казахов, туркменов. Вместе с казахами кочевали крымско-кубанские ногайцы, которые вошли в орду буковцев, составив здесь новый «ру» (род) «нугай-казак» (Кидирниязов, 1999). Казахи подпали под влияние татарской культуры. Именно татары способствовали распространению ислама среди казахов, а в появившихся медресе долгое время обучали исключительно татарскому языку.

В буковской степи скрывались солдаты-дезертиры из числа татар, уроженцев селений на стыке нынешних Татарстана, Башкортостана и Оренбуржья. По характерным высоким черным шапкам у мужчин они получили название «калпак» (Урастаева, 2000) («кара-калпак»). Они хорошо знали казахский язык, но сохраняли и татарский диалект. Зачастую их потомки ощущают себя казахами рода «калпак».

В Нижнем Поволжье прослеживается смешение языков и наречий (тюрский, персидский, татарский, калмыцкий, казахский, армянский, русский, немецкий и другие лингвистические пласты), нашедшее отражение в топонимах и повседневной речи обитателей данного ареала.

Контакты между народами носили характер широких заимствований, которые проявляются в астраханской жизни повсеместно: степняки-калмыки осваивали рыбные промыслы, русские учились огородничеству и бахчеводству у татар, заимствовали культуру коневодства у ногайцев, скотоводства — у калмыков и казахов. Армянская традиция загородного отдыха становится традицией всех астраханцев. Каждое воскресенье Великого поста в степи за Паробичевым бугром («майдане») татарские и русские мужчины собирались на кулачные бои — одно из любимых развлечений.

Особенно следует отметить традиционную веротерпимость астраханцев, проявившуюся не только в строительстве храмов различных конфессий и уважении их обрядовости, но и в широко распространенной практике межнациональных браков (особенно в советский период), которые способствуют укреплению взаимопонимания между народами края. Отмечены случаи принятия калмыками магометанства и других религий (например, католицизма), однако русские власти вели с ними работу, чтобы «склонить к православию» (Пальмов, 1926). В Астрахани действовало Кирилло-Мефодиевское общество, деятельность которого была направлена на распространение православия среди кочевых народов.

Миссионерские общества часто организовывали школы при православных миссиях. В 1898 г. на Калмыцком базаре в Астрахани открылась миссионерская школа для калмыцких детей, снабжавшая губернию кадрами для просветительской работы в среде калмыцкого народа. В школах учили не только грамоте, прежде всего русской, но и преподавалось «Слово Божье», читались православные Евангелия, переведенные на калмыцкий язык. С целью нахождения общего языка с инородцами в духовной семинарии Астрахани изучались многие языки, в том числе и калмыцкий, казахский, туркменский и др. Бурную просветительскую деятельность

развили в городе и католики, открыв славяно-греко-латинскую школу при соборе. Распространены были школы для католиков, лютеран, мусульман. Активно велась борьба с религиозным расколом.

Свободно владели русским языком представители купечества, особенно индийцы. Иногда индийцы даже принимали православие, записывались в разряд астраханского купечества и практически становились российскими подданными. В документах эти купцы называли себя «подлинно астраханскими жителями» (Дело о прибывших из-за границы людей разных национальностей, ГААО), что позволяло им рассчитывать на большие привилегии. Самые тесные контакты у индийцев были с татарским населением. Некоторые индийцы даже женились на татарках, поселялись в собственные дома, покинув пределы Индийского гостиного двора. Дети, родившиеся от таких браков, назывались агрыжанами² (или агрыжанскими татарами). В начале XVIII в. в районе Земляного города существовала особая Агрыжанская слобода (Ревизские сказки, ГААО), обнесенная общей оградой.

Постепенно складывалась региональная общность, представляющая исторически «веками сложившуюся многокультурность с разделением зон экономического влияния, устоявшейся системой культурных связей, основанных на принципах толерантного отношения к «чужому» как к «другому» и взаимопроникновении культур от семантического до институционального уровня» (Романова, 2010). Именно так совершался переход от узкоэтнической идентичности к ее расширенной форме, которая сложилась в крае к концу XVIII в., когда «земля одержала верх над природными и расовыми качествами их и все они стали точно они одного рода, оттого, что поселились на одной земле, вступали в брак друг с другом и оставались жить в этой земле» (Отчет Петровского общества, 1889).

Подтверждением сформировавшейся региональной идентичности, а на ее основе и региональной культуры являлись действия меценатов, старавшихся сделать свой город уникальным и вывести его на уровень столичного развития. Это были купцы и промышленники разных национальностей и верований. Среди самых известных — грек Варвадий, немцы братья Нобель, Карл Оссе, русские купцы и промышленники Губины, Сапожниковы, Беззубиковы, Воробьевы, Репины, армяне Н. Агабабов, С. Лионозов и др.

Значимым маркером становится заинтересованность в самобытной культуре края в среде ученых (С.Г. Гмелин, К. Бэр, И.И. Лепёхин, П. Паллас, П. Небольсин и др.), музыкантов, писателей (А. Дюма, В. Хлебников, Я. Потоцкий, Т. Шевченко, Н. Чернышевский и др.). Собираением народных музыкальных произведений русских, калмыков, казахов, татар, армян Астраханского края занимались М. Балакирев — один из основателей «Могучей кучки», И.В. Добровольский, издатель «Азиатского музыкального журнала» и др. Такой интерес к культуре населения Астраханского края свидетельствует не только о богатстве народных традиций, но и о сложившейся региональной культуре края, что сформировала особую общность — «астраханцы», которая фактом своего существования доказывает происходящую в регионе трансформацию этноконфессиональной идентичности отдельных групп в единую, сплоченную общность со сложным переплетением мировоззрения всех групп населения, имеющую определенное сходство с культурными ценностями российского общества и одновременно обладавшую своей уникальностью. Это

² От тюрко-татарского «оглы» — ребенок.

хорошо заметно в традиционных верованиях и праздниках. У татар и казахов это празднование некоторых православных праздников: Пасха, Рождество. Популярны и русские праздники Масляница, Троица, День славянской письменности и культуры, татарский Сабантуй, праздник тюркских народов Наурыз, калмыцкий праздник Цаган-Сар.

В конечном итоге в Астрахани сложилась традиция доброго соседства между народами, повлекшая за собой существование своеобразного быта, межнациональных связей, самобытной культуры и транскультурной идентичности. Многоликая Астрахань до сих пор являет собой разнообразие одежд и языков, разных культур и их мирное сосуществование, что придает особый, неповторимый колорит крупному российскому городу.

Трансформация региональной идентичности под влиянием этноконфессионального ренессанса

Относительная устойчивость социальной и этнокультурной ситуации, характерная для региона, в 1990-е гг. была нарушена центробежными процессами, радикально изменившими положение многих этнических групп, вызвав резкое усиление этнических миграций. Исторически сложившаяся поликультурность Астраханского края привела к тому, что такое культурное противостояние проявилось своеобразно: не по религиозному или этническому принципу, а по принципу «свой» как представитель традиционно проживающего на данной территории этноса, вне зависимости от его религиозной принадлежности, и «чужой», вновь прибывший. «Старые» этнические группы, исторически проживающие на территории региона, хоть и различались по своему языку, культуре, но, так или иначе сформировали общие ценности, а вот приехавшие мигранты, далекие от традиций, сложившихся в крае, были восприняты местным населением как «иные», отношения с которыми проецируются через призму «свои – чужие» (Мукомель, 2005). В такой ситуации естественно встал вопрос о границах допустимости сохранения всех культурных традиций как опоры традиционной картины мира, где демонстрация этноконфессиональных отличий является основой сохранения своей культуры, но не способствует социальной интеграции, замыкая представителей конкретных групп в узкие рамки традиционного мышления. Охранительная культурная политика в этом случае не эффективна и создает лишь видимость консолидации общества, провоцируя априорное недоверие к «другим» и усиливая социокультурный хаос.

Между тем границы между местными и приезжими пересекаются и даже размываются в ходе коммуникации, требуя более широких форм самоидентификации. Реальный диалог своих и чужих внутри принимающих обществ требует от официальной культуры трансформации параметров самоидентификации и изменения образа самого общества. Но иногда дистанция между представителями разных культур настолько велика, что договориться между собой бывает крайне сложно. Кроме того, такие группы характеризуются общностью экономической деятельности, что придает каждой группе четкую маркировку.

По мере того, как окружающий мир становится более сложным, человек традиционной культуры все сильнее стремится вернуть привычные, традиционные формы социокультурной идентификации. Возрождение религиозных, этнокультурных ценностей во многом объясняется именно этим фактором. Ведущиеся дискуссии о «кризисе идентичности, об утрате исторической памяти или разрушении куль-

турного наследия наглядно иллюстрируют фобии и устремления традиционного человека» (Пономарев, 2010). Как следствие, наблюдается возрождение национализма, хотя и в новом значении «явления, имеющего объективный характер и не связанного с ситуативными или субъективными моментами» (Боришполец, 2001), что в определенной степени констатирует факт утраты государством монополии на исключительное представительство или распоряжение культурной и эмоциональной лояльностью граждан. Актором, с которым государство разделяет данную монополию, является этнополитическая элита, представляющая «локальные сегменты многосоставных общественных систем» (Боришполец, 2001). Этот «новый коллективизм» (Бек, 2003) связан с попыткой свести роль индивида к его существованию в качестве носителя культуры меньшинства. Наблюдается парадоксальное сочетание процессов глобализации, модернизации и фундаментализма, поскольку возрождение национализма стало глобальным феноменом.

За таким этноконфессиональным возрождением скрывается нарастающая конфликтность традиционной картины мира, которая по-прежнему служит «обеспечением воспроизводства порядка социально-бытовых и культурных отношений» (Костина, 2011), но сегодня ее формы и механизмы функционирования втянуты в пространство массовой культуры, позиционирующей региональную глокализацию, что делает просто невозможным реконструкцию полностью закрытого общества.

В связи с растущими миграционными потоками в последние годы отмечается увеличение конфликтов, начинающихся с бытовых разборок и заканчивающихся «межнациональным противостоянием» (Новичкова, 2010), что негативно отражается на восприятии мигрантов местным населением. Страхи вторжения «иного» в определенной степени заставляют рассматривать приезжих как «чужеродных, незваных гостей» (Рыбаковский, 2009). Тем более что Астрахань сегодня является приграничным регионом и принимает значительную тяжесть миграционных волн из новых независимых государств, а также из конфликтных регионов Российской Федерации, прежде всего из районов Северного Кавказа. В то же время внутри региона идут свои процессы роста этнического самосознания, который сопровождается усилением интереса к традициям и проявлением в той или иной степени национализма и этноконфессионального противостояния.

Это учитывается в региональной стратегии национальной политики на основе государственной программы «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России на территории Астраханской области». Реализуется комплекс мер по социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов. Планируется создание регионального сегмента федеральной системы электронного мониторинга межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтов. Дополнением системной деятельности по формированию патриотизма и гражданского единства станет «Дом дружбы», открытие которого запланировано на 2019 г. на базе Областного научно-методического центра народной культуры.

Исследования показали, что большинство населения региона остается на позиции облегченного восприятия традиционной культуры в «кулинарно-фольклорной» форме, когда интерес к экзотике сохраняется до тех пор, пока не мешает собственной жизни. В обязательном порядке возрождение традиционных обрядовых форм наблюдается лишь в минорити-группах переселенцев из Чечни и отдельных областей Дагестана, а также у фундаменталистов. Однако само существование таких групп создает очаги напряженности: здесь отчетливо проявляется изменение идентич-

ности в сторону этно-конфессиональной формы, что ведет к изоляции самих этих обществ и негативно сказывается на взаимоотношениях народов, проживающих в России и в Астраханском регионе в частности.

Часто проблема заключается в отсутствии четкого понимания такими группами значимости региональных культурных ценностей и их соотношения с национальным и мировым культурным наследием. Для дальнейшего развития необходимо создание целостной концепции развития региональной культуры, которая учитывала бы инновационные процессы и традиции местных народов. В противном случае усиление частных этнических идентичностей может привести к созданию изолированных территорий, жители которых окажутся неспособными выйти на общегосударственный уровень, что непременно создаст пригодную почву для межэтнических столкновений.

В 2010 г. в Астраханской области, одном из первых субъектов Российской Федерации, была разработана собственная Концепция государственной национальной политики, где говорится о необходимости противодействовать «попыткам извне воздействовать на сознание граждан разных национальностей, направленным как бы на формирование их этнической идентичности, но фактически нередко несущим угрозу межнациональному согласию и духовному единству граждан России. Это выражается в распространении в Интернете продукции, тенденциозно трактующей историю народов России и формирования российской государственности» (Шантимиров, 2018).

Для культурного диалога важны не размеры территории или численность населения, а уровень национального самосознания и способность к выходу за границы своей этноконфессиональной идентичности, потому что групповые особенности в контексте культурного многообразия приводят к разным оценкам одного и того же факта носителями разных культур. И только человек со множеством идентичностей сможет свободно адаптироваться и выстраивать культурный диалог с представителями разных культурных групп. «Старое» население Астраханского региона обладает такой идентичностью, так как является носителем различных культур — этнической, региональной, общероссийской, что становится основой для преодоления этнических противоречий за счет наднациональной идентичности и региональной самоидентификации людей разных национальностей.

Сегодня ведущая роль в формировании идентичности как на групповом, так и индивидуальном уровнях принадлежит сетевой структуре современного политического и культурного пространства. Особого внимания требует система религиозных сетей, которые отражают специфику Астраханского региона как перекрестка трех мировых религий и иудаизма. Повсеместное распространение Интернета облегчает доступ к сайтам религиозных организаций. В последнее время все большую роль начинают играть сайты, чаты или группы по интересам, связанные с трансгрессионными процессами перехода из одной религии в другую — уход в нетрадиционные культы или принятие ислама (Romanova, Yakushenkov, Topchiev, Bicharova, Lebedeva, 2016). Идет активное обсуждение проблемы «русского ислама».

В мае 2013 г. Институт национальных стратегий назвал Астрахань «южным центром ваххабизма» (Карта этнорелигиозных угроз, 2013). Поэтому сегодня для региона сохраняют актуальность проблемы, связанные с проявлениями ксенофобии, межэтнической нетерпимости, этнического и религиозного экстремизма, терроризма. Ежегодно через Астраханскую область в Россию въезжает более по-

лумиллиона иностранных граждан, в хозяйственной деятельности здесь занято несколько десятков тысяч трудовых мигрантов.

Это обстоятельство, а также большой приток в регион жителей южных республик привели к формированию новых этнических общностей из числа граждан России и иностранцев. В ряде населенных пунктов появились группы последователей нетрадиционных для Астраханской области конфессий: неопятидесятники, отделенные баптисты, суфисты, вайшнавы. По итогам 2018 г. силами кибердружинников регионального агентства по делам молодёжи в Интернете выявлено 163 случая распространения информации экстремистской направленности (Шантимиров, 2018).

Для решения существующих проблем нужны дополнительные усилия по формированию механизмов для адаптации внутренних и внешних мигрантов, их вовлечению в социально-культурную жизнь и предотвращению формирования замкнутых этноконфессиональных анклавов. Важным представляется организация изучения русского языка как иностранного для семей мигрантов из-за рубежа. К этой работе предлагается привлекать общественные и религиозные организации.

Особое внимание обращается на реализацию мероприятий, направленных на «урегулирование разногласий, возникающих в связи с возведением объектов этнического и религиозного назначения в регионе, установкой памятников, памятных знаков, мемориальных досок, а также увековечением памяти выдающихся общественных деятелей в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений» (Морозов, 2018).

В рамках данного исследования автора интересовала проблема трансформации исконной идентичности в процессе межкультурных контактов с другими народами, населяющими одну территорию. Анализ разноуровневых идентичностей, носителями которых являются представители разных национальностей, проживающих в Астраханском регионе, поможет понять процессы изменения самоидентификации, формирующейся на основе образов «мы» и «они», позволит описать особенности процесса конструирования такого многосоставного феномена, как транскультурная идентичность.

В качестве основного метода сбора эмпирической информации использовался социологический опрос различных слоев населения города и области. Возраст опрашиваемых варьировался от 18 до 70 лет. Всего в опросе приняло участие 186 человек.

В результате исследования было выявлено, что у подавляющего большинства доминирует этническая идентичность. 80% отождествили себя с этносом по факту рождения. Лишь 5% считают себя россиянами, а 14% назвались астраханцами. Интересно, что 1% опрошенных идентифицирует себя с «советским народом». Были названы признаки, по которым происходит такое отождествление. Ведущими здесь оказались знание языка (96%), причастность к своей культуре (79%) и происхождение (80%). Практически у всех дома имеются предметы национального быта, но далеко не все задумываются над их происхождением, «просто пользуются» (98%).

На вопрос о соблюдении традиций своего народа молодое поколение (в основном студенты) ответили, что если и соблюдают, то делают это ради своих близких старшего возраста (75%) либо неосознанно (пекут куличи, кайнары, участвуют в проведении Сабантуя, этноярмарки, Наурыза и т.д.). А вот те, кто приехал в область после 1990-х гг. (дагестанцы, чеченцы, узбеки, таджики, туркмены), держатся за свои обычаи и строго их соблюдают. Они не столь открытые, как их соотечественники,

давно проживающие в Астрахани, и позиционируют себя исключительно через национальные атрибуты. Видимо именно поэтому местное население испытывает к ним чувство недоверия (91%), а иногда и открытой неприязни (8%). Последнее проявляется преимущественно у молодежи.

Практически аналогично была оценена ситуация с религиозностью в области. Примечательно, что старшее поколение старожилов не являются религиозными (сказывается идеология советского времени). Падает интерес к религиозной атрибутике и у молодежи, кроме вышеназванных народов.

И наконец, на вопрос об изменении своей идентичности старшее поколение назвало триаду «советский (до 1990-х гг.) — по этническому признаку (после 1990-х гг. — астраханец (настоящее время)». У студентов преобладает самоидентификация по региональному типу — астраханец (86%), у приезжих доминирует этническая принадлежность.

Исследование показало, что иммиграция (образовательная, рабочая и т.д.) пошатнула существовавшее этническое равновесие в регионе. Поэтому предстоит серьезная работа по конструированию транскультурной идентичности, объединяющей население региона. А это «не только праздники, субботники и фестивали, но и прежде всего серьёзная, порою скрытая от посторонних глаз, работа по профилактике и противодействию идеологии экстремистской и террористической направленности, национального и религиозного сепаратизма» (Морозов, 2018).

Дискуссия и выводы

Перемены, происходящие в обществе, конструируют инновационное понимание идентичности, «отсылая к динамике времени, акцентируя активные, рефлексивные и конструктивные аспекты психологического развития индивидуума или культурного формирования личности» (Ассман, 2017). Идентичность не является «статичной данностью» (Малахов, 2015), она меняется под влиянием процессов адаптации и интеграции, социальных трансформаций и взаимодействий. Она и должна меняться, ибо «ненормально, когда идентичность застывает, не реагируя на вызовы времени» (Федоров, 2013). Каждый человек несет сегодня «целый портфель идентичностей» (Федоров, 2013) и пользуется ими по мере необходимости.

Тем не менее сегодня большая часть людей первичной считает все-таки этническую идентичность, которую каждый индивид несет с собой всю жизнь, четко зная, какая этническая культура ему ближе, пусть он даже по воле обстоятельств живет в другом месте. Стремление сохранить изначальную этноконфессиональную идентичность в новой среде создает адаптационные сложности.

Сегодня есть смысл говорить о формировании множественной идентичности, что позволяет, с одной стороны, «мобилизовать опыт прежней жизни для нужд настоящей и, с другой стороны, использовать коллективный опыт новой общности для собственной адаптации» (Тернова, 2004). Такую форму идентичности можно назвать транскulturой, которая представляет собой особое состояние человека, открытого «универсуму различий» (Мальковская, 2008), где культурное разнообразие и универсальность становятся достоянием одной личности, формируется чувство виртуальной принадлежности одного индивида многим культурам. Все это означает выход за пределы своей этнокультуры и диффузию исходных культурных идентичностей.

Исходные уровни идентичности связаны с традиционной культурой, поэтому их устойчивость ведет к противостоянию с инновационными процессами. В то же время глобализационные процессы в современной культуре — это развитие нового типа культурных связей, который делает возможным понимание, принятие и уважение иной культурной модели мышления и поведения при сохранении ценностного основания своей индивидуальной и национальной культуры, а значит, унификация культуры, равно как и унификация сознания невозможны в силу своей несостоятельности.

Современная Астрахань — промышленный и культурный центр, где легко угадываются очертания прошлых времен. Сохранившиеся исторические артефакты, особый архитектурный рисунок города позволяют назвать современную Астрахань музеем под открытым небом, где создана культура, основанная на сплаве западно-восточных традиций. Парадокс семантики Астраханского края заключается в том, что он одновременно выступает как граница (разграничитель) и скреп (соединитель), периферия и центр. Здесь «пограничье географическое порождает пограничье культурное» (Казакова, 2009), на котором уже длительное время взаимодействуют разнообразные этноконфессиональные группы.

Сегодня знаковым маркером становится переосмысление картины мира, что особенно актуально для традиционных культур. Суть происходящего заключается в необходимости изменения способа мышления в глобальном аспекте, предполагая признание культурного разнообразия неотъемлемой частью современного глобального процесса. А это влечет за собой более широкие формы самоидентификации. Хотя именно на этом пути возникают большие сложности в силу устойчивых паттернов традиционной картины мира.

Библиографический список

- Ассман, А. (2017) *Распалась связь времен?* М.: Новое литературное обозрение.
- Бек, У. (2003) Космополитическое общество и его враги. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 6 (1). Режим доступа http://ecsocman.hse.ru/data/537/877/1219/002_Bek.pdf
- Бенхабиб, С. (2003). *Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру*. М.: Логос.
- Боришполец, К. П. (2001) Национализм как вызов глобальному развитию. В *Мир и Россия на пороге XXI века: Вторые Горчаковские чтения. МГИМО МИД России*. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).
- Годовой отчет Астраханского губернского комитета попечительства о народной трезвости. ГААО. Ф. 582, оп.9, д. 18.
- Годовой отчет о состоянии Астраханской губернии за 1839 год. ГААО. Ф.2, оп.1, д. 320.
- Дело о прибывших из-за границы людей разных национальностей. ГААО. Ф.542, оп.1, д. 135.
- Казакова, Г. М. (2009). *Регион как субкультурный локус* (Автореферат докторской диссертации). Москва.
- Карта этнорелигиозных угроз*. (2013). Режим доступа <http://www.interfaxreligion.ru/?act=analysis&div=195>
- Кидирнязов, Д. С. (1999). *Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XVI–XVIII вв.* Махачкала: Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН.
- Костина, А. В. (2009). Кризисное состояние идентичности в современном мире: причины и предпосылки. *Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»*, 4. Режим доступа http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina_Recessionary/

- Костина, А. В. (2011). *Массовая культура как феномен постиндустриального общества*. М.: Издательство ЛКИ.
- Малахов, В. С. (2015). *Интеграция мигрантов: концепции и практики*. М.: Мысль.
- Малахов, В. С. (2014). *Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций*. М.: Новое литературное обозрение.
- Мальковская, И. А. (2008). *Многоликий Янус открытого общества: Опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации*. М.: Изд-во ЛКИ.
- Морозов, С. (2018). *Учитывать вызовы и угрозы в сфере межнациональных отношений*. Заседание этноконфессионального совета при губернаторе Астраханской области по итогам реализации концепции государственной национальной политики в Астраханской области в 2016–2018 годах. (2018, Декабрь 25.). Retrieved from <https://etnokonf.astrobl.ru/press-release/sostoyalos-zasedanie-etnokonfessionalnogo-soveta-pri-gubernatore-astrahanskoy>.
- Мукомель, В. И. (2005). Грани интолерантности (мигрантофобия, этнофобия). *Социологические исследования*, 2, 56–66.
- Мурзина, И. Я. (2003). *Феномен региональной культуры: бытие и самосознание* (Автореферат докторской диссертации). Екатеринбург.
- Наказ Астраханским воеводам 1677 года. (1947). Астрахань (библиотечный фонд ГААО).
- Небольсин, П. (1852). *Очерки Волжского Низовья*. СПб.: Тип. м-ва внутренних дел.
- Новичкова, А. Скажи, в чем сила, брат? (2010, Декабрь 15). *Комсомолец Каспия*, 99 (6640).
- Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края* (1889). Астрахань.
- Пальмов, Н. Н. (1926). *Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII веков*. Ч. 1. Изд. Калмыцкого областного исполнительного комитета. Астрахань. VI.
- Пономарев, М. В. (2010). *История стран Европы и Америки в Новейшее время*. М.: Проспект.
- Ревизские сказки татар Агрыжанского двора. ГААО. Ф.687, оп.2, д. 1343.
- Романова, А. П. (2010). Толерантное отношение к «Другому» в молодежной среде полиэтнического региона. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 25, 15–20.
- Рыбаковский, Л. Л. (2009). *Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве*. М., РАН. Ин-т соц.-полит. исследований.
- Рыбушкин, М. С. (1841). *Записки об Астрахани*. М.: Тип. С. Селивановского.
- Саввинский, И. (1900). *Армяне в Астраханской епархии и отношение к ним местных архипастырей в 18 веке*. Астрахань, Типография В.Л. Егорова, против Окружного Суда.
- Тернова, Л. О. (2004). Глобализация и проблема формирования новых идентичностей. *Власть*, 4, 27–32.
- Указ камер-коллегии о разрешении шведским пленным жить в городах. ГААО, ф.394, оп.4, л.43.
- Указы императрицы Екатерины II (1775). ГААО. Ф.1, оп.1, д. 948.
- Урастаева, Г. Д. (2000). *Астраханские казахи: история и современность*. Астрахань.
- Федоров, В. (2013). *Российская идентичность и вызовы времени*. М.: ВЦИОМ. Режим доступа <https://wciom.ru/fileadmin/file/reports>.
- Хантингтон, С. (2004) *Кто мы?* М.: АСТ.
- Хлыщева Е.В. (2011). *Динамика культурных моделей в глобализирующемся мире* (Докторская диссертация). Астрахань.
- Шантимиров, К. З. (2018). *О реализации государственной национальной политики в регионе*. Доклад на заседании этноконфессионального совета при Губернаторе Астраханской области по вопросу «О реализации государственной национальной политики в Астраханской области: итоги и перспективы» (2018, Декабрь 25). Retrieved from <https://etnokonf.astrobl.ru/press-release/doklad-kz-shantimirova-na-zasedanii-etnokonfessionalnogo-soveta-pri-gubernatore>.

- Romanova, A., Yakushenkov, S., Topchiev, M., Bicharova, M., Lebedeva, L. *Religious networks in the context of cultural safety of the south of Russia*. 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016, DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B32/S11.107
- Topchiev, M. S., Dryagalov, V. S., Yakushenkova, O. S. The Problem of the Youth's Religious Identity Formation in the Frontier Territories of the Northern Caspian Sea Region: Contemporary Aspect. *Man In India*, 96 (12).
- Topchiev, M. S., Dryagalov, V. S., Yakushenkova, O. S. (2016). *Religious transgression on frontier heterotopia*. 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016, Aug 24–31, Book 3. Vol. 2, (815–820) DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B32/S11.108
- Topchiev, M., Romanova, A., Yakushenkov, S. *Transformation of the alien image in the post-soviet space*. In 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016. Aug 24–31, Book 3. Vol. 2, (949–954). DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B32/S11.127

Статья поступила в редакцию 13.02.2019

Статья принята к публикации 2.03.2019

Для цитирования: Хлыщева Е.В. Динамика идентичностей в культурном ландшафте Астраханского региона: от этноконфессиональной формы к транскультурной. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 1. С. 105–122.

DYNAMICS OF ETHNO-CONFESSIONAL IDENTITIES IN THE CULTURAL LANDSCAPE OF THE ASTRAKHAN REGION

E. V. Khlysheva

Elena V. Khlysheva, Astrakhan State University, Tatishcheva Str., 20A, 414056, Russia,
Astrakhan. E-mail: culture_mar@mail.ru
ORCID 0000-0001-6586-019X

Abstract. The article discusses the process of transformation of ethno-confessional identities in the modern world on the example of a particular multicultural region. The problem of cross-cultural communication in similar areas is particularly acute very much, there are lifestyles alternative to the standard norms, the aspiration to adjoin to other which begins to position itself openly increases. The difference in valuable representations closes representatives of specific groups in a narrow framework of traditional thinking, and group distinctions become a peculiar marker of modern space. The identity is not static and changes under the influence of social transformations and cross-cultural interactions. Emergence of new transcultural communities updates for science the searching of the samples developed and approved during historical development and scenarios of coexistence in the uniform cultural space of various traditions and mentalities. The changes in society design innovative understanding of identity. Globalization and migration processes lead to emergence of “indistinct identity” with the fragmented idea of the ethnic origin. As a result, the need for recognition which major line is “a claim on originality, fight for identity” increases (Malakhov, 2014). In this situation it is possible to speak about a cultural distance which is shown in the form of opposition of the cultural worlds of traditional and innovative forms. Therefore the analysis of cultural interaction of the people is connected with primary judgment of ethnocultural distinctions. The aim of the article is to study the levels and forms of interaction between different peoples and to identify changes occurring in the process of transforming the traditional worldview of the separate cultures, leading to the formation of new levels of identity. Special attention is paid to the gradual change in the ratio of regional, national and civil values and corresponding self-identification at all levels. It takes into account that the levels of identity associated with the national, ethnic, confessional spheres do not manifest themselves in pure form and are adjusted by other forms — civilizational, subcultural, racial, gender, sexual. In addition, the complex interweaving of cultural worlds makes it difficult to define one's own identity and becomes an acute problem. The process of forming a multi-level identity in the multicultural regions is most indicative; therefore, the Astrakhan region, which is notable for the diverse composition of the population and the absence of the aboriginal population, was chosen for

analysis. The author traces the dynamics of identity changes among the peoples inhabiting the region from the time of its settlement to the present. The proposed theoretical constructs of development adequate mechanisms for the coexistence of cultures require careful analysis. Such problem demands a complex system of methods, which is based on comparative analytics. A cross-cultural analysis of identification problems is required, and this cannot be done without identifying indicators of ethnic, confessional and regional levels of self-awareness. We used both diachronic and synchronous research methods. The changes in society create an innovative understanding of identity. The emergence of new transcultural formations actualizes the search for patterns and scenarios of coexistence in the common cultural space of various traditions and mentalities developed and tested in the course of historical development. All this determines the need to identify new principles of building identity, based both on history, religion, mentality and on general citizenship. The formation of such transcultural identity is well demonstrated by the Astrakhan region.

Keywords: identity, globalization, ethnoconfessionalism, intercultural communication, transformation, transculturation.

DOI: 10.31429/26190567-20-1-105-122

References

- Assman, A. (2017). *Raspalas' svyaz' vremen?* [Is the Time Out of Joint?]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Bek, U. (2003). Kosmopoliticheskoe obshchestvo i ego vrugi [Cosmopolitan Society and its Enemies]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 6 (1). Retrieved from http://ecsocman.hse.ru/data/537/877/1219/002_Bek.pdf
- Benhabib, S. (2003). Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nomu e'ru [The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era]. M.: Logos.
- Borishpolecz, K. P. (2001). Nacionalizm kak vy'zov global'nomu razvitiyu [Nationalism as a Challenge to Global Development]. In *Mir i Rossiya na poroge XXI veka: Vtory'e Gorchakovskie chteniya. MGIMO MID Rossii* [The World and Russia on the Threshold of the 21st Century: 2nd Gorchakov Readings]. M.: "Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya" (ROSSPE'N).
- Delo o priby'vshix iz-za granicy lyudej razny'x nacional'nostej [The Case of New Foreign Arrivals of Different Nationalities]. GAAO. F.542, op.1, d.135.
- Fedorov, V. (2013). *Rossijskaya identichnost' i vy'zovy' vremeni* [Russian Identity and the Challenges of Time]. M.: VCIOM. Retrieved from <https://wciom.ru/fileadmin/file/reports>.
- Godovoj otchet Astraxanskogo gubernskogo komiteta popechitel'stva o narodnoj trezvosti [The Annual Report of Astrakhan Provincial Committee on Guardianship of Popular Sobriety]. GAAO. F.582, op.9, d.18.
- Godovoj otchet o sostoyanii Astraxanskoj gubernii za 1839 god [The Annual Report on the State of Astrakhan Province for 1839]. GAAO. F.2, op.1, d.320. s.47.
- Huntington, S. (2004). Kto my? [Who are We?]. M.: AST.
- Karta etnoreligioznyh ugroz [The Map of Ethno-religious Threats] (2013). Retrieved from <http://www.interfaxreligion.ru/?act=analysis&div=195>
- Kazakova, G. M. (2009). *Region kak subkul'turnyj lokus* [Region as a Subcultural Locus] (Abstract of the Cand. Dissertation). Moskva.
- Khly'sheva E. V. (2011). *Dinamika kul'turny'x modelej v globaliziruyushhemsya mire* [The Dynamics of Cultural Patterns in the World Becoming Global]. (Abstract of the Doct. Dissertation). Astrakhan'.
- Kidirniyazov, D. S. (1999). *Nogajcy v izvestiyax russkix, zapadnoevropejskix i vostochny'x avtorov XVI-XVIII vv* [The Nogays in the News of the Russian, Western European and Eastern Authors of the 16th-18th Centuries]. Makhachkala.
- Kostina, A. V. (2009). Krizisnoe sostoyanie identichnosti v sovremennom mire: prichiny' i predposylki [Recessionary Condition of Identity in the Contemporary World: Causes and Prerequisites].

- Informacionnyj gumanitarnyj portal "Znanie. Ponimanie. Umenie"* [Informational Humanitarian Portal "Knowledge. Understanding. Skill"], 4. Retrieved from http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina_Recessionary/
- Kostina, A. V. (2011). *Massovaya kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshhestva* [Mass Culture as a Phenomenon of Post-industrial Society]. M.: Izdatel'stvo LKI.
- Mal'kovskaya, I. A. (2008). *Mnogolikij Yanus otkry'togo obshhestva: Opyt kriticheskogo osmysleniya likov obshhestva v epoxu globalizacii* [Janus of Many Faces as a Symbol of Open Society: Experience of Critical Comprehension of the Society's Images in the Epoch of Globalization]. M.: Izd-vo LKI.
- Malakhov, V. S. (2015). *Integraciya migrantov: koncepcii i praktiki* [Migrant Integration: Concepts and Practices]. M.: My'sl'.
- Malakhov, V.S. (2014). *Kul'turny'e razlichiya i politicheskie granicy v epoxu global'nyx migracij* [Cultural Differences and Political Boundaries in the Era of Global Migration]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Morozov, S. (2018). *Uchityvat' vy'zovy i ugrozy v sfere mezhetnicheskix otnoshenij. Zasedanie etnokonfessional'nogo soveta pri Gubernatore Astraxanskoy oblasti po itogam realizacii koncepcii gosudarstvennoj nacional'noj politiki v Astraxanskoy oblasti v 2016–2018 godax* [To Take Into Account Challenges and Threats in the Sphere of Inter-ethnic Relations. The session of the Astrakhan Governor's Ethno-confessional Committee on the Results of Implementation of the State National Policy Conception in Astrakhan region in 2016–2018]. (December 25, 2018). Retrieved from <https://etnokonf.astrobl.ru/press-release/sostoyalos-zasedanie-etnokonfessionalnogo-soveta-pri-gubernatore-astrahanskoy>.
- Mukomel', V. I. (2005). Grani intolerantnosti (migrantofobiya, etnofobiya) [Facets of Intolerance (Migrantophobia, Ethnophobia)]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2, 56–66.
- Murzina, I. Ya. (2003). *Fenomen regional'noj kul'tury: bytie i samosoznanie* [The Phenomenon of Regional Culture: Being and Self-consciousness] (Abstract of the Doct. Dissertation). Ekaterinburg.
- Nakaz Astrahanskim voevodam 1677 goda. (1947) (bibliotechnyj fond GAAO)* [Mandate Astrakhan voivode 1677. (1947) (library fund GAAO)]. Astraxan'.
- Nebol'sin, P. (1852). *Oчерки Волжского Низова* [Essays on the Volga Lower Reaches]. SPb.: Tip. m-va vnutrennix del.
- Novichkova, A. (2010, December 15). Skazhi, v chem sila, brat? [Tell Me Where the Strength is, Brother]. *Komsomolets Kaspiia* [Komsomolets Kaspiia], 99 (6640).
- Otchet Petrovskogo obshhestva issledovatelej Astraxanskogo kraja* [Report of the Petrovskii Society of the Astrakhan Territory Researchers] (1889). Astraxan'.
- Pal'mov, N. N. (1926). E'tyudy po istorii privolzhskix kalmy'kov XVII i XVIII vekov [Studies on the History of the Volga Kalmyks of the XVII and XVIII Centuries]. In Ch. 1. *Izd. Kalmy'czkogo oblastnogo ispolnitel'nogo komiteta* [Part 1. Astrakhan': Kalmyk Regional Executive Committee printing shop]. Astraxan'. VI.
- Ponomarev, M. V. (2010). *Istoriya stran Evropy i Ameriki v Novejshee vremya* [The History of European and American Countries in the Current Times]. M.: Prospekt.
- Revizskie skazki tatar Agry'zhanskogo Dvora [Census of the Tatars in Agryzhansk homestead]. GAAO. F.687, op.2, d.1343.
- Romanova, A. P. (2010). Tolerantnoe otnoshenie k "Drugomu" v molodezhnoj srede polietnichnogo regiona [Tolerant Attitude to the "Other" Among the Youth in a Poly-ethnic Region]. *Kaspijskij region: politika, e'konomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economy, Culture], 25, 15–20.
- Romanova, A., Yakushenkov, S., Topchiev, M., Bicharova, M., Lebedeva, L. (2016). Religious networks in the context of cultural safety of the south of Russia. In *3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016*. DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B32/S11.107

- Ry'bakovskij, L. L. (2009). *Transformaciya migracionny'x processov na postsovetском prostranstve* [The Transformation of Migration Processes in the Post-Soviet Space]. M., RAN. In-t socz.-polit. issledovanij.
- Ry'bushkin, M. S. (1841). *Zapiski ob Astraxani* [Writings on Astrakhan']. M.: Tip. S. Selivanovskago.
- Savvinskij, I. (1900). *Armyane v Astraxanskoj eparxii i otnoshenie k nim mestny'x arxipasty'rej v 18 veke* [The Armenians in the Astrakhan' Diocese, and the local Archpastors' Attitude to Them in the 18th Century]. Astraxan', Tipografiya V.L. Egorova, protiv Okruzhnogo Suda.
- Shantimirov, K. Z. (2018). O realizacii gosudarstvennoj nacional'noj politiki v regione [On the Implementation of the State National Policy in the Region]. In *Doklad na zasedanii e'tnokonfessional'nogo soveta pri Gubernatore Astraxanskoj oblasti po voprosu "O realizacii gosudarstvennoj nacional'noj politiki v Astraxanskoj oblasti: itogi i perspektivy"* [Report at the Session of the Astrakhan Governor's Ethno-confessional Committee "On the Results of Implementation of the State National Policy in Astrakhan' Region: Outcomes and Prospects"] (2018. December 25). Retrieved from <https://etnokonf.astrobl.ru/press-release/doklad-kz-shantimirova-na-zasedanii-etnokonfessionalnogo-soveta-pri-gubernatore>.
- Ternova, L. O. (2004). Globalizaciya i problema formirovaniya novy'x identichnostej. *Vlast'* [Power], 4, 27–32.
- Topchiev, M. S., Dryagalov, V. S., Yakushenkova, O. S. (2016). *Religious transgression on frontier heterotopia. 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016*, Aug 24–31, Book 3. Vol. 2, (815–820) DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B32/S11.108
- Topchiev, M. S., Dryagalov, V. S., Yakushenkova, O. S. The Problem of the Youth's Religious Identity Formation in the Frontier Territories of the Northern Caspian Sea Region: Contemporary Aspect. *Man In India*, 96 (12).
- Topchiev, M., Romanova, A., Yakushenkov, S. Transformation of the alien image in the post-soviet space. In *3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016*. Aug 24–31, Book 3. Vol. 2, (949–954). DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B32/S11.127
- Ukaz kamer-kollegii o razreshenii shvedskim plenny'm zhit' v gorodax [The Kamer-Kollegiia's Decree on Permission for the Swedish Prisoners-of-war to Reside in the Cities]. GAAO, f. 394, op.4, l.43.
- Ukazy' imperatricy Ekateriny' II [Decrees of the Empress Catherine the II]. (1775). GAAO.F.1, op.1, d.948.
- Urastaeva, G. D. (2000). *Astraxanskije kazaxi: istoriya i sovremennost'* [Astrakhan' Cossacks: History and Modernity]. Astraxan'.

Received 13.01.2019

Accepted 2.03.2019

For citation: Khlysheva E.V. Dynamics of Ethno-Confessional Identities in the Cultural Landscape of the Astrakhan Region. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 105-122.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).